

Книжное обозрение

© 2000 г.

Белоусов Р.А. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: XX ВЕК. КНИГА I. НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ. М.: ИздАТ. 1999. 408 с.

Это первая из пяти книг, составляющих проект, который Р.А. Белоусов намерен реализовать. Уже при беглом ознакомлении том привлекает необычностью: тираж в 5 тысяч экземпляров для научного издания в наше время редок, издательство, связанное с атомной техникой, выдает рыночные соображения автора, и главное - многие сюжеты текста непривычны в контексте "Экономической истории". У читателя, привыкшего к определенному формату книг по истории народного хозяйства России, может возникнуть вопрос, какую же историю намерен писать автор - социально-экономическую (с. 14) или экономическую (с. 15)? К тому же эпиграф тома - слова С.М. Соловьева "история первоначально есть наука народного самопознания", будит вопрос: где экономическая история?

По мере углубления в текст читателя ждут и другие неожиданности, при вдумчивом чтении вызывающие все больший интерес к замыслу автора. Собственно экономической тематике рубежа XIX-XX столетий сопутствует чрезвычайно основательное рассмотрение проблем российской экономической истории с докиевских времен. Неожиданные переходы от прошлого к настоящему и будущему придают тексту свежесть, к тому же выдавая вполне очевидные намерения автора при анализе сюжетов прошлого. На с. 13, например, очерк итогов перестройки конца текущего столетия по тексту содержит прямые обращения к заинтересованному читателю. К современнику обращены и описание, например, социально-экономических функций банков и замечание (с. 106) о важности удобства денег. Автор стремится ответить не только на вопросы, связанные с прошлым экономическим развитием страны, но и разгадать загадку комплекса проблем, определивших ход и зигзаги исторического процесса в стране, в том числе в последние годы.

В контексте авторского замысла вполне уместны и страницы, отведенные политическим партиям, вступившим в общественные процессы на грани XIX и XX вв., и описание системы управления - не только государством, экономикой, но и зачатков "гражданского общества" - земское самоуправление, сельские общины и т.п. Специфика такого подхода небезынтересна социологам. Во-первых, с точки зрения общей социологии, для понимания процессов в экономике российского общества материал смежных с экономикой сфер общества совершенно необходим. Именно поэтому Р.А. Белоусов с разной степенью детализации описал многие базовые институты общества (семья, власть, управление, лидеры, финансы, производство, церковь, монастыри, политические партии). Внимание уделено воспроизведению характеристик социальных слоев и групп общества, поскольку и в каком виде они участвовали в экономических процессах. Исторический срез социума России рассмотрен как единое целое, части которого взаимодействуют определенным порядком. Большое внимание уделено собственно российскому народу, поэтому естественной выглядит (на первый взгляд не вполне ожидаемая) в книге по экономической истории приведенная уже фраза С.М. Соловьева, - эпиграф к первому тому. Автор умеет передавать детали народной жизни так, что современник их может не только понять, но и почувствовать. Например, (с. 41) упоминание зимней темноты, тесноты и духоты крестьянских изб, где трудились надомники.

Книга интересна как пример труда в жанре исторической социологии. Экономические феномены, о которых автор ведет речь применительно к рубежу столетий, нередко отслеживаются им *ad ovo*, с момента возникновения, воссоздавая убедительную картину самого феномена, расширяя возможности интерпретации, *осовременивания* за пределами исторического времени, о котором идет речь. Не следует удивляться, что такой подход интересен современнику: он понимает, как, чем связано рассказываемое с нашим опытом.

В работе много сюжетов, положений, сознательно отнесенных автором не столько и не только к прошлому, но и к настоящему. Таков подробный рассказ (с. 264—267) о том, как в

России в начале XX в. шло создание акционерных обществ - своего рода инструкция для современников, намеревающихся создать АО. Положения, прямо читающиеся как советы им, работающим, думающим над теми же проблемами, над которыми не раз приходилось думать нашим предшественникам, сконцентрированы вокруг проблемы вывода России из кризиса - продовольственного, финансового, промышленного, социального и т.д.

Отдельно можно выделить то обстоятельство, что Р.А. Белоусов, многие годы обучавший советскую экономическую, управленческую элиту, акцентировал типологические подходы к проблеме образа, опредмечивания качеств крупного национального руководителя прошлого, реформатора экономики и социального уклада России. В исторически конкретном он выделяет человеческие и профессиональные качества, логику действий новаторов из числа политиков, царедворцев, ученых и т.д., позволившие им в свое время стать не просто государственными деятелями, а войти в историю реальными делами, определявшими движение к современной России (Сперанский, Канкрин, Бунге, Столыпин, Витте и др.). Характерна деталь: по результативности и методологии деятельность С.Ю. Витте оценивается автором выше, чем его предшественников и преемников.

Конечно, социологизм книги во многом определен лежащей в ее основе базой данных, энциклопедизмом знания источников по экономической истории России. Социолога привлекут не только многочисленные таблицы, но и "качественные" данные, часто воспроизводящие для современника трудно постижимые реалии удаленной на века жизни. Так, описание русских дOMETаллических денег, позволяет представить себя на месте русского охотника, добытчика, для которого шесть белок приравнялись к одной кунице (по ценности шкурки). Описание конкуренции за право быть ведущим энергетическим источником угля и нефти с дровами (с. 195 и др.) у одних читателей вызовет спазм экологического возмущения, у других - понимание дистанции между "прежде и теперь" в энергетическом балансе России. Свообразны анализ социально-экономической функции взятки (с. 98), наблюдение о важности средств коммуникации, связи для темпа экономического развития, и др.

Социологична книга по теоретической основе - "большой теории" - идея циклов [о ней "Социс" опубликовал статью П. Сорокина (1927 г.)], сложившаяся в тесном научном и личном контакте Н.Д. Кондратьева с П.А. Сорокиным. Этот лейтмотив книги Белоусова читается как стих из *Экклезиаста*: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает и нечто, о чем говорят: "Смотри, вот это новое; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас". Правда, напрашивается наблюдение: и у Сорокина-Кондратьева, и у Белоусова циклизм проповедуется на фоне резкого падения производственных и иных показателей российского общества в соответствующие годы. Что было бы на месте данной концепции в условиях всестороннего экономического роста страны?

Главное же, социологична ткань раскрытия экономической истории России. Собственно, такой профиль экономической истории сформулирован словами автора "Экономика - составная часть жизни", - одна из первых фраз текста (с. 5), буквально повторяющая тематику многолетних исследований классика экономической социологии К. Поланьи - связи общества и экономики (Об этом писал "Социс" - 1999, № 1. С. 111-115). При этом данное соотношение находится в движении. Описываемое время важно тем, что экономика начинает подчинять себе общество. Связь экономики и общества в историческом аспекте сформировала структуру книги, отраженную в тематике глав. За главой о крестьянских реформах в России конца XIX - начала XX вв. идут главы о формировании общенационального рынка, переходе к промышленной цивилизации, эволюции управления экономикой (фактически - страной в целом), о войне, деформировавшей и разрушавшей хозяйство, обострившей социально-экономические противоречия, приведшие к кумулятивному взрыву. В итоге возникает подозрение, нуждающееся к проверке, что в экономической истории, экономической науке интереснее и важнее не статистика, не производство, а интеракции вовлеченных в эти процессы людей. Этапные изменения, экономического сознания и поведения населения и верхов происходят, в частности, через вмешательство внеэкономических факторов. При Петре I это влияние Европы. При реформе 1861 г. - поражение в Крымской войне, динамика взаимодействий с Европой.

Социологичны итоговые оценки экономического развития России к марту 1917 г. Вместо любительских "пессимистических" или "оптимистических" оценок перспектив эволюции царской России и эмоциональных подходов социологически проанализированы исторические факты. Может ли идти речь об оптимизме, когда в роли движителя революции выступил голод (с. 99), когда убедительный фактический материал говорит о неспособности правящей группы России решить исторически важные для страны проблемы? Особо

выделен ключевой фактор неспособности разрешения продовольственного и крестьянского вопросов, - предпосылки успешной индустриализации народного хозяйства, избежания революционных болезненных потрясений, включая поражения на фронтах мировой войны. Вне сожалений о России, "которую мы потеряли", вне эмоций автор показывает, почему ни царское самодержавие, ни выраставшая буржуазия не смогли удержаться у власти и удержать страну от кровопролитий, голода и массовых страданий. Это - социальный, исторический факт, социальная и историческая реальность.

Нет смысла перечислять все достоинства работы Р.А. Белоусова как исследования по экономической истории, истории общества, исторической социологии. Важно (в порядке обобщения) заключить: там, где автор последовательно социологичен, - читатель не будет разочарован. И, напротив, имеющиеся в книге недостатки - следствие неосознанности, неотрефлексированности проблемы соотношения исторического, историко-экономического и социологического подходов к материалу. К сожалению, рассматриваемый труд стал социологичным стихийно, что, между прочим, подтверждает: социологическое мышление неизбежно там, где исследователь общества обращается не только к прошлому, но и к настоящему-будущему. И если бы степень "социологического воображения" автора была большей, книга выиграла бы интересностью и привлекательностью для читателя и "пользователя".

Большого учета заслужил фактор среды функционирования экономики русского народа и этносов России. С точки зрения природных условий в этом плане, например, нуждается в уточнении тезис об охвате общероссийским рынком всей России кроме Средней Азии (с. 188): как минимум, к еще долго оставшимся вне общероссийского рынка регионам следует добавить большую часть Севера, Дальний Восток и Северо-Восток России. Но это - частности, важнее был бы экспертный анализ специфики отношения россиян к природе, ее ресурсам, формирования или деформаций того, что сейчас называется экологическим сознанием. Можно было бы ожидать более основательного анализа экономического поведения крестьян вообще и крестьянок в частности, - гендерный аспект нашей истории. Автор держал в руках соответствующие материалы, но не считал их релевантными. Социолог не прошел бы мимо специфики религиозно-экономического сознания россиян, роли в экономике отдельных этносов (например, немцев, евреев), религиозных групп (староверов).

Социологически недоучтены внешние факторы. Читатель не раз ожидает авторского мнения о связи столь частых перебоев экономического развития России в рассматриваемое автором тысячелетие военными конфликтами. Не раз автор близок к раскрытию известной по сентенциям классиков связки: политика - квинтэссенция экономики, война - продолжение политики немирными средствами и т.п. Но круг проблем: государство, экономика, насилие, войны, расходы на армию и т.д., - так и остался загадкой экономической истории России. Социология, в принципе, может дать ответы на этот вопрос. Точка зрения Н. Элиаса на него может быть суммирована так (N. Elias. *Civilizing Process. Vol. 2. State Formation and Civilization. Oxford. 1993*): насилие - не отклонение от нормального пути; основным занятием формировавшегося класса воинов являлась охрана данной территории, защита мирного населения от конкурирующих вооруженных формирований, обеспечение мобилизации дани — основного в то время экономического ресурса; устанавливалась территориальная монополия силы. М. Вебер определял государство как монополию легитимного насилия (Избр. произв. М., 1991. С. 648-650). И т.д. Было бы интересно видеть анализ военных аспектов экономической истории России - особенно человеком без погон.

Стремление автора осовременить материал ведет к спорному применению к прошлому таких неологизмов русского языка XX в. как "навар" (с. 97), и особенно "кадры" (с. 70, 224, 237, 251 и др.). Действительно ли сподвижники Петра I обладали теми же качествами, что и кадры тех времен, когда это слово вошло в оборот (1930-е гг.)? Может быть, все дело в том, что и сейчас у нас не специалисты руководят делом, а "кадры", монополизировавшие титул "элита"?

К сожалению, книгу портят редактирование, корректура. Текст, видимо, сделан в такой спешке, что читателю, в том числе привыкшему в последнее время к небрежно отредактированным текстам, обилию грамматических ошибок и т.п., приходится недоумевать, например, как Петр Аркадьевич Столыпин превращается в Петра Алексеевича. Но в целом чтение книги вызывает интерес и желание увидеть дальнейшие тома исследования Р.А. Белоусова.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор